

В приложении к газете «ЗРД» «Потаенное» №2 (80) мы познакомили наших читателей со знаменитым просветителем Галицкой Руси Иваном Григорьевичем Наумовичем (1826-1891). Сейчас мы печатаем некоторые его произведения, отобранные из великого множества написанного им. Но прежде - слово об Иване Наумовиче непревзойденному до сегодняшнего дня знатоку и почитателю карпаторусских писателей профессору Федору Федоровичу Аристову (1888-1942).

Наталья ГАТТАС

х х х

В 1851 году И.Г. Наумович был рукоположен в священники и получил приход в местечке Гордике, близ Львова.

Съ этого времени начинается замечательная и весьма разносторонняя деятельность И.Г. Наумовича на пользу русского народа, продолжавшаяся целых сорок лет и доставившая ему почетное имя просветителя Галицкой Руси.

В 1861 году русское население Золочевского округа избрало И.Г.Наумовича депутатом в первый галицкий сейм.

Народническая деятельность Наумовича очень не нравилась польским политикам, и они решили во что бы то ни стало воспрепятствовать его избранию в 1867 году. Несмотря на все ухищрения, Наумович всё-таки получил на семь голосов больше польского кандидата; но уже в самом начале работ собравшегося сейма польское большинство признало 7 голосов Наумовича незаконными и выбор его не утвердило.

Не исполняя обязанности депутата и будучи поэтому более свободным, Наумович съ неутомимой энергией принялся за просвещение Галицкой Руси.

О томъ, какъ высоко ценило его заслуги галицко-русское крестьянство, лучше всего можетъ дать представление следующее трогательное и глубоко правдивое письмо жителей села Коростна ("Слово", 1867г., N5).

«Не ма /нет/ у насъ человека, не ма и малой дитины, которая бы не знала сказати за любезнаго и дорогого отца Наумовича. Они насъ просветили, они завели порядную /нужную, примерную/ школу, ихъ стараньемъ наука процветает, они намъ поставили съ невеликимъ нашимъ трудомъ, своею ревностию, красну муровану /кирпичную/ церковь, красу на всю околицу /местность, округ/. Они развели намъ пасеки и щепы /участки/ овощевые, по сему и сами своими руками выхвали /вырастили/ намъ садовину, ходячи весняными часами /весенней порой/ отъ огорода до огорода съ пилкою и веточками, перетворяючи наши дички на щепы /отростки/; они даровали нашей школе красну пасеку для убольшенья дохода учителя и для науки детей, которыхъ освоили съ пчелами и обзнакомили съ наукою, такъ пожиточно (необходимо). Отець нашъ Наумовичъ суть намъ во всемъ парадю /совет/ и примеромъ и мы до нихъ маемъ такое доверие и любовь, що не ма такой души, которая бы о томъ не знала, не только у насъ, але /но/ и въ другихъ селахъ».

Речь И.Г. Наумовича, сказанная имъ на суде 12/24 июня 1882 года, является его национально-политическимъ «верую», почему мы и приводимъ ее полностью (по стенограмме), для настоящей статьи переводя съ польского на общерусский литературный языкъ.

«Не подлежитъ сомнению, - заявилъ И.Г. Наумовичъ, - что я - славянинъ, и притомъ славянинъ горячий, ибо не только языкъ у меня славянский, но, кроме того, также церковный обрядъ и обычаи у насъ на Руси наиболее сохранились еще изъ глубокой славянской, бывшей языческой древности. Какъ славянинъ не могу не быть славянофиломъ, не могу не любить техъ народовъ, которые происходятъ изъ того же самаго, что и русский народъ, общаго корня и остаются съ нимъ въ племенной связи близкаго или дальняго родства. Что касается лично меня, то позволю себе рассказать, среди какихъ обстоятельствъ развилось у меня сильное чувство славянофильства.

«Въ 1849 году, будучи еще учащимся, я трудился при редакции «Зори Галицкой», первой нашей русской газеты. Въ редакцию при-

Брате-Соколе

ходили газеты со всехъ славяно-австрийскихъ краевъ; присылали также отовсюду славянские сочинения, которыя я читалъ. Между прочимъ, я имелъ случай прочесть «Славянская Древности» и «Славянскую Народопись» (Шафарика). Я читалъ ихъ съ великимъ интересомъ и проникнулся ихъ духомъ. Изъ книги «Славянская Древности» я узналъ, что славяне имеютъ старую культуру, наидавнейшую народную литературу, существующую еще отъ техъ вековъ, когда иные, ныне первостепенные европейские народы, ничего въ этомъ отношении представить не могли. «Славянская Народопись» познакомила меня съ числомъ славянскихъ племенъ и ихъ языками. А такъ какъ я былъ поэтического настроения, то изъ песней Коллара и до сего дня помню несколько строкъ, которыя врезались мне въ память и составляютъ какъ бы программу славянофильства. Такъ о славянстве пишетъ Колларъ: «Все имеемъ, мои милые, дорогие: золото, серебро, умелые руки; языкъ и песни имеемъ веселыя; единства только и просвещения у насъ нетъ! Дайте намъ ихъ съ духомъ всеславянства, и увидите народъ, какого не было еще въ прошломъ; среди грека и британца наше имя заблеститъ на звездномъ небосводе». Такъ какъ я былъ поэтически характерна, какъ я уже сказалъ, то те и подобный имъ песни великаго певца, автора «Дочери Славы», тронули меня до глубины души. Я жилъ этимъ и мыслью о такомъ всеславянскомъ единстве была и теперь является моею путеводною мыслью. Прежде всего я хотелъ познакомиться съ моимъ народомъ, для чего пустился пешкомъ по нашему краю, изъездилъ или исходить целый край и часть Угорской Руси, вникалъ въ глубину души нашего народа, познавалъ его хорошия стороны и поставилъ задачей моей жизни служить этому народу духомъ всеславянства, т.е. просвещениемъ народа. Это была цель моей жизни, является ею до настоящего дня и останется до смерти! Я решилъ этотъ народъ просвещать, чтобы онъ познавши самого себя и собственное достоинство, заговорилъ самъ о себе въ ряду другихъ народовъ Австрии, чтобы съ нимъ считались и признавали его права. Ведь, известно, что въ нашей Австрии до недавняго времени славянские народности были совершенно угнетены и считались только материаломъ для двухъ другихъ господствующихъ расъ - немецкой и мадьярской; изъ всехъ же наиболее была угнетена наша русская народность, которой отказывали даже въ праве национального существования. Такъ было раньше; но после Французскихъ войнъ живой духъ овеял и полумертвые славянские народы. Съ того времени начали появляться первые пророки славянства и, изъ всехъ славяно-австрийскихъ народовъ, особенно чехи проникнулись темъ духомъ и взяли въ свои руки предводительство въ делахъ славянъ. Такъ выступила въ Австрии на национальное поприще на ряду съ двумя господствующими расами и третья - славянская, численно преобладающая обе первыя, - выступила съ заявлениемъ на свое народное существование и готовая къ борьбе за неотъемлемое право...»

Въ начале 1886 г. Наумовичъ оставилъ Галицию и переселился въ родную Россию, въ гор. Киевъ, где устроился со своей семьей и могъ снова совершать богослужения, что составляло необходимую потребность его глубоко верующей души. Живя въ Россіи, онъ никогда не переставалъ заботиться о русскихъ галичанахъ, что особенно было заметно во время галицкого голода (въ 1889 г.), когда благодаря его стараниямъ галицкіе крестьяне получили значительную помощь изъ Россіи, и темъ самымъ не одно семейство было спасено отъ неминуемой голодной смерти.

Но больше всего онъ заботился о томъ, чтобы дать возможность безземельнымъ галицко-русскимъ крестьянамъ селиться на свободныхъ земляхъ Кавказа. Онъ еще раньше помогъ некоторымъ крестьянамъ переселиться изъ Галицкой Руси на Кавказъ, где они образовали посел-

ки: Наумовичи и Старая Черниговка вблизи города Сухумъ-Кале.

Въ конце мая 1891 года И.Н.Наумовичъ действительно поехалъ на Кавказъ, чтобы выбрать пригодныя для заселения земли. Онъ былъ уверенъ, что переселение принесетъ взаимную пользу русскимъ галичанамъ въ Россіи, такъ какъ первыи изъбавитъ отъ эмиграции въ Америку и неизбежнаго тамъ растворения въ англо-саксонской расе, а русскому государству дастъ трудолюбивое население, которое превратитъ незаселенныя и незаселенныя пространства въ цветущіе края.

Проф. Ф.Ф. АРИСТОВ

(Очерк печатается в сокращении)

х х х

ЯКЪ ПАНТАЛЕМОНЪ ЦЕДИЛО ВЫЛЕЧИВСЯ ЗЪ ПІАНСТВА

Бо то не було щирейшого /искреннейшего/ и милейшого и честнейшого человека, якъ Панталемонъ Цедило, поважная /уважаемая/ особа, мещанинъ шо старого роду богачовъ, шапка на голове якъ добра коновка зъ сивого баранца, жупанъ /верхняя одежда/ на немъ не ось то звычайный /обычный/, а зъ тонкого сивого сукна, и поясъ шовковый /шелковый/, и бувъ за старшого брата, и все его шановали /уважали/ и христіане и жидаи и паны, и никто ему инакше /иначе/ не сказавъ лишъ: пане Панталеймоне!

Та щожъ? Коли одна нужда, а се то то, що якъ зайде его той чухъ шинку /корчма/, то не годенъ /не в состоянии/ минути, муситъ /может/ вступити, а якъ вступитъ, то уже або ведутъ дети до дому, або таки, по правде сказавши, несуть.

А Панталемона Цедило дуже /очень/ сердечно любивъ панъ-отець, та казали ему не разъ не два: Панталемоне, пошлюбуйте /остепенитесь/, а я васъ зато буду мати за найпершого, за наилучшого человека.

- Ой не годенъ додержати, отчику, поведеа Панталемонъ, бо я слабого здорвля, та и тязко було и хлеба не вкушу, и я безъ ней за тыждень /неделю/ бы умеръ.

Та шо на се /это/ и казати /сказати/?

Ажъ ту одного разу до панъ отця пришовъ лекаръ /доктор/ въ якимось деле. Саме тогды дають знати панъ-отцеви, шо Панталемонъ передъ брамою /перед воротами/ лежить мертвецки пьяный.

Панъ-отець вийшли, та и руки заломили, бо жалъ имъ було такого человека. Но щось подумали, тай казали Панталемона занести до себе на поповчину /дом священника/, постелити в алкирику /маленький домик/ ложко /постель/ и положити.

Оттакъ побеседовали щось съ докторомъ по немецки, и казали принести лубовъ /кора дерева/ и дощичку /дощечку/, и вразъ съ докторомъ, щобы никто не бачивъ /не видел/, обвязали ему ногу, и добре стугнали /затянули/ лубами и дощичками.

Коли (когда) Панталемонъ пробудився /проснулся/, поведать ему панъ-отець: Видите Панталемоне, вы по пьяному ногу вломили /сломали/, за то васъ и болить, бо докторъ зложивъ, но приказавъ такъ 6 недель лежати и не ести ничего, лишь солодку /сладкую/ страву /еду/, а Боже борони /сохрани/ горевку /водку/ пити.

Стогнавъ /вздыхал/ Панталемонъ сараку /бедный, несчастный/, стогнавъ, а докторъ все приходивъ, та бравъ его за руку, та дивився на языкъ, та записовавъ леки /лекарства/ якійсь, так казавъ зливати ногу водою.

Якъ минуло 6 недель, вставъ небожище /несчастный/ Панталемонъ, та слегка наступае на ногу, пробуде, чи уже добре зрослася, - а она цела була, якъ мае бути, лишь такую штуку зробили панъ-отець съ докторомъ, - та дякуе /благодарит/ панъ отцеви и докторови.

- Ну, кажуть панъ-отець: теперъ Панталемоне нога зрослася, но якъ зновъ будети пити, то якъ другий разъ зломите, то уже васъ не поратую /не спасу/.

- Отче, доброденю! поведеа Пан-

талемонъ, заразы иду до церкви, высповедаюся и пошлюбую /пообещаю/ Та ябы ю пиво, коли она мене ногу зломилла? И пошлюбовавъ, и довго еще зъ легка наступавъ Панталемон на тую ногу, а ажъ за пять летъ, коли уже привыкъ добре безъ горивки, сказали ему панъ отецъ за тую штуку.

- Гей, каже Панталемон: Панъ-отче, кобы /если бы/ таку штуку всемъ п'якамъ зробити /сделать/, щобы не робили зъ себе публеки!

И до смерти живъ Панталемонъ въ чести у всехъ людей, яко разумный и целковито тверезый человек, а за оферу, шо его Богъ избавивъ такимъ способомъ отъ п'янства выльвавъ новый звонъ /колокол/ до церкви, и на томъ звоне казавъ написати таки два слова:

«Звонъ тверезвости».

«Наука», 1873 г.

ЦАРЬ И СЕЛЯНИНЪ

Поглянувъ селянинъ /крестьянин/ на царску палату, та думаетъ себе: Кобы мне токъ рокъ /год/, хотъ месяцъ бути царемъ; уживимъ си света. Ходивъ бы я себе по тыхъ богатыхъ комнатахъ, евъ-бимъ и веселився до воле, ничего бимъ не робивъ /не делал/.

Поглянувъ царь на низку хату селянина, та подумавъ себе: Кобы мне хотъ рокъ, хотъ месяцъ бути селяниномъ, шо не знае тягару /тяжесть/ царской короны, жие /живет/ себе въ труде, но свободно и супокійно. Якъ то мило поживати руды власныхъ своихъ рукъ, а не маючи на голове ничего, лишь добро одной своей родины /семьи/, якъ солодко /сладко/ оно спится, якъ весело оно жиеся!

«Наука», 1875 г.

СТАРЕЦЪ И СМЕРТЬ

(Байка)

Ишовъ бедный старовина изъ леса, несъ вязанку роцья /хвороста/, цобы (чтобы) було чимъ въ нужденной /бедной/ хатине затопити. А роцья кололо въ плечи, та и тязко було двигати, та кинувъ старовина его на землю та зотхнувъ /вздохнул/: «Смертьенко мои, где ты заделалася /подевалася/, шо не приходишь уже разъ по мене?»

Ледви /едва/ вымовивъ ти слова, ажъ ту /тут/ уже и смерть при немъ стоить, та каже /говорит/: «А от я уже ту /тут/, чо то тебе отъ мене потреба /надо/?»

Старовина, хотъ який бедный и слабый бувъ, таки перепудився /перепугался/ смерти, та поведеа трясуцимъ голосомъ: «Ой, не гневайся! Я тебе кликавъ /звал/, щобы ты мене завдала роцье на плечи.»

Такъ оно бувае на свете, шо тое житье наше, яке оно не одному горке, а все таки человекъ, хотъ-бы який старый и слабый, не радъ умирати.

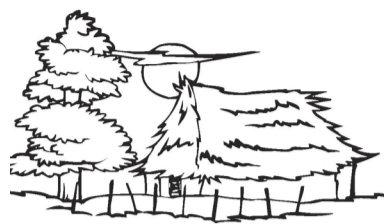
«Наука», 1873 г.

ТРИ ПОГЛЯДЫ

Живъ в одномъ селе бедный но честный и дуже /очень/ побожный /набожный/ человекъ. Працею /трудом/ рукъ своихъ ледви /едва/ могъ розстрати хлеба для своей родины /семьи/. А мимо того все онъ бувъ веселый и собою задоволеный. Коли /когда/ его одинъ поспытавъ /спросил/, якъ онъ весело такъ жити може при своей бедноте, онъ отрекъ /ответил/: «Я шо день на три стороны света поглядаю /смотрю/. Одинъ мой поглядъ /взгляд/ иде до неба, и тогды я себе згадую /думаю/, шо тамъ гдесъ есть моя вечна отчина /родина/, а тутъ на земли лишь до часу /временно/; другой поглядъ пускаю на землю, и думаю себе, якъ мало человекове на томъ свете потреба /нужно/, если никто не займе тои земельки больше, якъ на три локте; а третий поглядъ пускаю до кола /около, рядом/ себе, по моихъ ближнихъ, вижу, правда, богатыхъ, но вижу еще беднейшихъ отъ себе, я дякую /благодарю/ Богу, шо я еще не найбеднейший во всехъ. Отти походитъ, шо я все веселый и супокійный.

«Наука», 1875 г.

ДВА ЗЛОДЕИ

Иванъ Наконечный продавъ на торзе /торг, базар/ волы, взявъ 150 риньскихъ /денег/ въ чересь /пояс/, та выпивши две сткляночки меду у старого Мошки, зморомкомъ /затемно/ повертае до дому. Женка исъ бабами пошла на передъ, а онъ себе самъ иде, иде, та думаетъ то о своихъ воликахъ, въ яки руки они пойшли, то яка доля ихъ тамъ чекае /ожидает/, то о грошехъ, чи бы цо за нихъ купемити, чи до скрыне /сундук/ на сподъ /подпол/ до тамтыхъ впаковати, шо уже отъ колькохъ летъ тамъ не видять света Божого, - ажъ ту въ лесе, - бо дорога черезъ лесъ ишла, - щось за нимъ шолопъ, шолопъ! Оглядаеться Иванъ, а то який очайдухъ /странный/, видно было зъ очей шо злодей. Дай Боже добрый вечеръ, поведеа тамтой до сего. Дай Боже здорвее. А ты шо за одинъ? Поведаетъ злодей до Ивана. - Я злодей, поведаетъ Иванъ. - Та коли ты злодей, то ты мене другъ, то пойдёмъ оба красти, бо я злодей. - Добре, поведаетъ Иванъ, то пойдёмъ, але гдечи мы пойшли? - Где? Пойдёмъ до Ивана Наконечного, який то мае бути въ томъ селе богачъ, онъ мавъ пойти на ярмарокъ съ воллами, то певно /конечно/ не приде ажъ по повночи до дому, а мы тымъ часомъ влеземъ до его хаты та позабираемъ шо е /есть/, гроши зо скрыне, корале, и шо тамъ еще найдемъ. - Ну, ну, поведаетъ Иванъ, то пойдёмъ, лишь ходемъ борше /быстрее/, доки /пока/ еще Ивана не ма /нет/ зъ торгу. - Одна беда, поведаетъ злодей, мене поведали, шо тамъ е /есть/ псы дуже /очень/ недобри, кобы /как бы/ мы съ ними не пришли до беды. - Нежурися /не печалься, не переживай/, поведаетъ Иванъ, шо ты за злодей, якъ ты псовъ боишься, я знаю таке зелье, шо мене жадень /никакой/ песь не торкне /не тронет/. - Добре коли /если, раз/ ты знаешь, то ты пойдешъ на передъ, а я за тобою. - Добре, згода /согласен/.

Отже оба идуть, приходять на обойстье /двор/, псы прискочили до Ивана, летасты, но уже и тамтого злодея не нападають за тое, шо с господаромъ /хозяином/ иде. Иванъ всунувся тыхцемъ /тихонько/ до хаты, та поведаетъ все женце и детямъ, але цитъ! ани мурмуръ. - Отвераетъ оконце та поведаетъ брате, приятелю, лезъ оконцемъ, все сплять пьяни по ярмарку, вынесемъ целу скрыню /весь сундук/, бо замкнена /закрыта на ключ/, а на поли розобьемъ и все позабираемъ. Злодей лезе, беруться оба до скрыне, двигаютъ, тащатъ до дверей, ажъ ту женка Ивана зашлашля. Злодей поведаетъ: уже ктось збудився /подержишь/, я маю /у меня есть/ ножъ пойду та /и/ зарезу. - Дай мене ножъ, поведаетъ Иванъ, ты притимаешь /подержишь/, а я буду резати. Тымчасомъ /между тем/ Иванъ засунувъ по темку /в темноте/ двери и оконцу заперъ идуть оба до ложка /кровати/. Хлопце! крикнувъ Иванъ, вставайте! Тай /и, да/ ухопивъ /схватил/ злодея обручъ /за обе руки/. Прискочили женка и сыны, звязали и отдали до суду. Уже онъ больше не видевъ света; засудили на двадцать летъ до криминалу; не вытремавъ /не выдержал/ до десяти летъ, погибъ.

Тымъ способомъ зловивъ /поймал/ Иванъ Наконечный наибольшого злодея, за шо ему дяковали /благодарили/ все добри люде.

«Повести и песни», 1861 г.

х х х

Иван Наумовичъ завещал похоронить себя на Аскольдовомъ кладбище в Киеве. Задержание было исполнено. В 1930-х гг останки И.Г. Наумовича перенесли на Лукьяновское кладбище в Киеве.

«Наука», 1875 г.